

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм



Социалистические цели, рыночные средства

Гэри Шартье

Гэри Шартье
Социалистические цели, рыночные средства
2009

[drive.google.com/drive/folders/
1fPKnK5WkZJukXykmEP9m7VnbebDjqnhg?usp=sharing](https://drive.google.com/drive/folders/1fPKnK5WkZJukXykmEP9m7VnbebDjqnhg?usp=sharing)
Дополнительную информацию можно найти на сайтах
c4ss.org и all-left.net

ru.anarchistlibraries.net

2009

Оглавление

«Социализм» как род, «государственный социализм» как вид	7
«Капитализм»: кажется, в одной лодке	9
Социалистические цели, рыночные средства	11
Отличая рыночно-ориентированных социалистов от социалистов-государственников	13
По ту сторону семантики	15
Либертарианство и социалистический взгляд	18

именно их леволибертарианцы имеют веские основания поддерживать всем сердцем.

Я верю, что существует способ понимания социализма, который делает его совместимым с подлинно рыночным анархизмом. Если социализм должен означать либо обычный государственный социализм, либо государственный социализм с правом собственности на средства производства, переданным местным малым самоуправлениям (micro-states), либо какую-то туманно очерченную модель коллективной собственности, уходящую корнями в экономику дара, тогда становится ясно, что социализм и рыночный анархизм несовместимы.

Но тогда определенную тревогу должен бы вызвать тот факт, что один из основателей рыночного анархизма, Бенджамин Такер, несомненно, считал свою разновидность рыночного анархизма альтернативой государственному социализму, но именно как разновидность социализма. Слова (экивок в сторону Николаса Лэша¹) поверяются обществом, которое они создают и поддерживают; и я думаю, что стоит напомнить читателям о разнообразии того общества, в котором живет и функционирует «социализм». Поэтому полагаю, что имеет смысл предложить определение понятия «социализм», которое прояснит, почему, по крайней мере, Такер явно должен быть причислен к нему.

Исходя из этого, я предлагаю понимать социализм через отрицание как любую экономическую систему, характеризующуюся упразднением (*i*) наемного труда в качестве основного способа экономической деятельности и

¹ Николас Лэш (6 апреля 1934 – 11 июля 2020) – английский римско-католический богослов. Лэш был автором многочисленных теологических книг и постоянным участником журнала *The Tablet*. Католик и либерал, он резко, но взвешено критиковал практики ведущих деятелей своей традиции и выступал за открытые дебаты по различным темам, включая рукоположение женщин. Главная заслуга Лэша состоит в возрождении теологии Фомы Аквинского на основе философской аргументации, вдохновленной учением Людвиг Витгенштейна (*прим. ред.*).

(ii) доминирования в обществе (a) меньшинства людей, регулярно нанимающих значительное число наемных работников, а также (b) ничтожного меньшинства, владеющего большим количеством богатства и материальных благ. Мы можем понимать социализм в позитивном смысле как любую экономическую систему, характеризующуюся (i) широким распространением контроля над средствами производства; (ii) рабочим самоуправлением как основным способом экономической деятельности; а также (iii) социальным преобладанием простых людей в качестве тех, кто и работает, и распоряжается средствами производства.

Государственный социализм был попыткой реализовать социализм с помощью власти государства. Неудивительно, что, учитывая все, что мы знаем о государствах, государственный социализм в большинстве случаев обернулся катастрофой. В сочетании с экономической неэффективностью, связанной с централизованным планированием, тайной полицией, ограждениями с колючей проволокой и подавлением инакомыслия — все это элементы катастрофического послужного списка государственного социализма.

Если вам хочется определять социализм как государственный социализм — милости прошу. Многие люди так и поступают. Но история этого термина четко свидетельствует о том, что многие люди, говоря о социализме, не имели в виду государственный контроль или общественную собственность (society-wide ownership) на средства производства.

государством (хотя, конечно, подразумевает по меньшей мере это): он предполагает «социальное господство владельцев капитала (понимаемого иначе, нежели в случае с владельцами труда)».

Так уж получилось, что я согласен с Кевином, Родериком и другими в том, что это господство в значительной степени зависит от злоупотреблений государства. Но я хочу не просто подчеркнуть свое несогласие с этими злоупотреблениями — хотя, безусловно, это так, — но и выразить свое *per se* несогласие с господством собственников капитала. Вот почему я не склонен считать разговоры о «социализме» важными, поскольку они, как минимум, указывают на траекторию, по которой, по идее, должен двигаться рыночный анархистский проект, и определяют морально важные ценности, которым, по крайней мере, привержен мой тип сторонников рыночного анархизма, и которые не кажутся мне хорошими претендентами на статус «особых интересов», если понимать их как произвольные, пусть и морально оправданные.

Я открыто выступаю против институционализированного применения силы против людей и против их (аристотелевско-томистских) прав собственности, и я вполне готов заявлять об этом громко и ясно. Это делает меня, согласно моим собственным представлениям, либертарианцем. Но я не готов отказаться от обращения к «социализму» как к ярлыку, который не утратил своей полезности для леволибертарианского проекта, как к простому выражению индивидуальных предпочтений, в которые ни один хороший либертарианец не должен вмешиваться просто потому, что вмешательство было бы неоправданно агрессивным. Скорее, «социализм» описывает набор проблем, включая те, что касаются привлекательных моделей социальной организации, и

Либертарианство и социалистический взгляд

Разумеется, критик может утверждать, что ее не особенно заботит иерархия на рабочих местах или депривация, или же что они не должны волновать либертарианца-как-либертарианца, поскольку возражения против этих вещей не вытекают из либертарианских принципов.

Я с радостью причисляю себя к анархистам, которые выступают за рынки, а также за индивидуальную автономию. Но я не спрашиваю себя, является ли моя оценка «социализма» в этом смысле чем-то, чему я привержен как либертарианец. Скорее, моя готовность идентифицировать себя как либертарианца опирается на более фундаментальный набор моральных суждений, которые также делают «социализм» в соответствующем смысле привлекательным, и которые помогают обеспечить соответствие смыслов, сообразно которым я являюсь либертарианцем и в соответствии с которыми я являюсь социалистом.

По крайней мере, кажется, что имеет место какая-то причина для использования ярлыка «капитализм», столь явно понимаемого как алтарь «социализма», для той экономической системы, которую мы имеем сейчас и которая столь явно подкрепляется привилегиями, предоставляемыми и поддерживаемыми государством. Но я думаю, стоит подчеркнуть, что «капитализм» — как в силу своей истории, так и в силу своего поверхностного содержания — предполагает не просто привилегии, поддерживаемые

«Социализм» как род, «государственный социализм» как вид

Существует веская причина использовать термин «социализм», чтобы обозначить как минимум противостояние:

1. боссизму (то есть иерархии подчинения на рабочем месте); и

2. депривации (то есть постоянной, отчуждающей бедности, будь то в результате государственного капиталистического разграбления, частного воровства, катастрофы, несчастного случая или других факторов).

«Социализм» в этом смысле есть род; «государственный социализм» (вызывающий многочисленные сожаления) — вид.

Действительно, использование ярлыка «социалистический» позволяет провести четкое различие между родом «социализм» и видом «государственный социализм». Таким образом, это дает удобную возможность разоблачить и подвергнуть критике рефлекслируемые многими государственно-капиталистические допущения (допущения, из-за которых политической теории так легко принять за данность пресуппозицию, что ее предметом является вопрос «Что должно делать государство?»).

Я с большей симпатией, чем может показаться, отношусь к претензиям тех, кто возражает против лингвистиче-

ских аргументов, которые, на их взгляд, не могут оказать реального влияния на чьи-либо политические суждения. Я бы не стал считать глупым того, кто говорит, что ни один рыночный анархист не может использовать слово «социалист», не создавая при этом неизбежной путаницы.

служивающей доверия традиции, отстаивающей иное значение «социализма».

именуясь «социалистом», — на то, что он разделяет цели социалиста-государственника, но при этом радикально не согласен с суждениями социалиста-государственника о соответствующих средствах достижения этих целей. Этот одновременно искренний и риторически эффективный ход позволяет рыночному анархисту бросить вызов государственному социалисту и признать, что существует несоответствие между эмансипаторными целями социалиста-государственника и авторитарными средствами, которые она или он предпочитают. Это дает основание для рыночного анархиста подчеркнуть тот факт, что предполагаемые государственные меры борьбы с боссизмом приводят к появлению новых и более могущественных боссов, что государство гораздо эффективнее порождает депривацию, чем исцеляет от нее.

Таким образом, использование рыночным анархистом слова «социализм» может послужить поводом для социалиста-государственника, возможно, впервые спросить себя: «Действительно ли я больше привязан к средствам или же больше к цели?» Понимаю, что мой риторический вопрос — если социалиста-государственника больше заботит власть, чем принципы — может и не вызвать желаемого ответа. Но мне кажется, что для многих государственников-социалистов признание того, что левый рыночный анархист стремится к социалистическим целям негосударственными средствами дает веские основания переосмыслить свою привязанность к государству, прийти к выводу, что это — грубая прагматика и совсем не нужная, и что его подлинно принципиальная привязанность должна лежать в области дела человеческой эмансипации.

А значит, появляется существенная возможность для просветительской работы: высветить существование за-

«Капитализм»: кажется, в одной лодке

Итак, первое, что нужно сказать: то же самое верное и для «капитализма». Слово это имеет свою историю, и история эта, как правило, не слишком приятная.

Вспомните людей на улицах какого-нибудь города в Латинской Америке, Африке, Азии, или Европе, выступающих против неолиберализма и, собственно, капитализма. Мне трудно представить, что толпы протестующих выйдут на улицы, чтобы бороться со старой-доброй частной собственностью. Когда множество людей твердят, что «капитализм» — враг, это, конечно, потому, что по всему миру «капитализм» стал означать что-то вроде «социального господства владельцев капитала», а такое положение вещей многим может показаться непривлекательным.

В соответствии с либертарианским классовым анализом, который легко найти в работах таких людей, как Мюррей Ротбард, Джон Хейгел, Батлер Шаффер и Родерик Лонг, Кевин Карсон — автор оригинальной статьи на C4SS (Center for a Stateless Society), а также мишень для критики Стефана Кинселлы (к чести Кинселлы, Карсон не только прямолинеен, но и весьма добродушен) — утверждает, что такое социальное господство зависит от деятельности государства. Уберите опору, которую обеспечивает государство, утверждает он, и «капитализму» в этом смысле — в том смысле, в котором этот термин уничижительно используется миллионами людей, не испытывающих никаких

идеологических пристрастий к этатизму или бюрократической тирании, — придет конец.

По ту сторону семантики

Короче говоря, я не уверен, что использование термина «социализм» в качестве ярлыка для конкретного рыночного анархистского проекта или же термина «капитализм» для определения того, чему этот проект противостоит, следует рассматривать лишь как упражнение в семантической игре.

1. *Эмансипаторное устремление.* Например, обозначение определенного типа рыночно-анархистского проекта как «социалистического» четко идентифицирует его эмансипационные намерения. Оно связывает этот проект с противостоянием господству начальников и депривации, а подобные устремления обеспечивают реальную моральную и эмоциональную силу социалистических призывов любого рода.

2. *Обоснованная оппозиция «капитализму».* Таким образом, обозначение своего проекта как «социалистического» — это способ четко заявить о своей оппозиции «капитализму», как его понимает огромное количество простых людей во всем мире. Ярлык «социалистический» сигнализирует им, что рыночный анархистский проект, подобный проекту Кевина, на их стороне и что он противостоит тем, кого они считают своими угнетателями.

3. *Побудить социалистов-государственников провести различие между их привязанностью к целям и привязанностью к средствам.* Последнее обоснование: предположим, рыночный анархист вроде Кевина указывает социалисту-государственнику, — искренне

нившихся элит вряд ли является плодом творчества левых либертарианцев и других рыночных анархистов: эта ассоциация распространена в сознании многих людей по всему миру и вполне оправдана поведением государств, многих предприятий и власть предержащих в обществе.

Социалистические цели, рыночные средства

Это не означает, что рыночный анархист должен каким-то образом забыть о своей приверженности рынкам. Как отмечают Кевин Карсон, Брэд Спенглер, Чарльз Джонсон и другие, в истории были люди, выступавшие за отмену привилегий, поддерживаемых государством, и вместе с тем с энтузиазмом приветствовавшие свободные рынки. Люди эти с уверенностью носили ярлык «социалиста». Такер и Годскин не согласились бы с тем, что социализм представляет собой синоним коллективной собственности. Скорее, сказали бы они, различные схемы государственного владения (или коллективного владения каким-либо квазигосударственным образованием) являются способами достижения основной цели социализма: покончить с господством боссов на рабочем месте, господством владельцев капитала в обществе и значительными, повсеместными обнищаниями и лишениями. Но, сказали бы Такер и Годскин, это несправедливые и неэффективные средства достижения нашей цели — лучше добиваться ее путем освобождения рынка, чем путем усиления власти государства.

Конечно, если «социализм» означает «государственную [или парагосударственную] собственность на средства производства», то нет смысла характеризовать Карсона или любого другого рыночного анархиста как отстаивающего «однозначно социалистические позиции». С другой сто-

роны, если термин «социализм» может иметь достаточно широкое значение — совместимое с рыночным анархизмом, — благодаря которому будет разумно утверждать, что Кевин (или другой рыночный анархист) отстаивает такие позиции, тогда непонятно, почему разговоры о «социализме» должны вызывать возражения.

Отличая рыночно-ориентированных социалистов от социалистов- государственников

Карсон, например, однозначно поддерживает существование права частной собственности. Я не видел ничего, позволяющего предположить, что он не согласится с утверждением, что рыночные взаимодействия должны включать негосударственную собственность, если они являются добровольными. Он последовательно заявляет, что в безгосударственном обществе могут, будут и должны существовать альтернативные виды режимов собственности, но ни один из тех, которые он считает подходящими, не будет основан на принуждении. Потому меня озадачивает утверждение, будто он противник частной собственности.

Все это не означает, что нельзя указывать на отвратительные режимы (Пол Пот, кто еще?), которые с гордостью навешивали на себя ярлык «социалистических». Но, конечно, если идея состоит в том, чтобы указать на отвратительное применение термина, то с «капитализмом» можно поступить точно так же, как и с «социализмом»? (Вспомните Чили времен Пиночета.) Ассоциирование «капитализма» с меркантилизмом, корпоративизмом и господством укор-